

Майорова Наталья Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

Natalyamaiorowa@yandex.ru

Вскрытие мощей Сергия Радонежского и кампания по ликвидации мощей во всероссийском масштабе

Аннотация. Статья посвящена одному из элементов антирелигиозной политики советской власти – кампании по вскрытию мощей почитаемых Русской церковью святых. Власти возлагали на кампанию большие надежды. Предполагалось, что с ее помощью будет, во-первых, раскрыт «вековой обман» верующих священнослужителями феноменом якобы «нетленных мощей», во-вторых, нанесен серьезный удар по престижу Церкви и влиянию духовенства, что в конечном итоге обусловит крах религии в Советской России. Кампания по вскрытию мощей представляла собой грубое вмешательство во внутрицерковные дела, вопреки декретируемыми принципам отделения церкви от государства и невмешательства государства в религиозную деятельность церкви. Попытки главы Русской православной церкви обратиться к рассудку и здравомыслию руководителей государства и не допустить кощунственных действий, успехом не увенчались. Патриарх Тихон расценил кампанию по вскрытию мощей как оскорбление религиозных чувств верующих и грубое нарушение положений декрета. Успешность кампании была сомнительна. Поток желающих поклониться мощам не только не уменьшился, но и значительно увеличился. Мощи передавались в музеи для всеобщего обозрения, драгоценные раки изымались, а храмы и монастыри закрывались.

Ключевые слова: Русская православная церковь, вскрытие мощей, Сергий Радонежский, Троице-Сергиева лавра, Патриарх Тихон,

антирелигиозная пропаганда, Наркомюст, декрет об отделении церкви от государства.

Антирелигиозная направленность политики советской власти определилась с первых месяцев ее существования. Не удовлетворяясь декретированием отделения церкви от государства, РКП (б) в новой программе 1918 г. ставила задачу «полного разрушения связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду» [7, с. 83]. При этом упор делался на недопущении оскорбления чувств верующих, могущем спровоцировать конфликты и привести к закреплению «религиозного фанатизма».

Удобным моментом для организации широкой научно-просветительной и антирелигиозной пропаганды стала кампания по вскрытию мощей почитаемых РПЦ святых. Все проводимые в стране антицерковные кампании в значительной мере преследовали цель дискредитации православных священнослужителей. Представляя духовенство в невыгодном свете, разоблачая «поповские» обманы, показывая, как наживались священники на истинной вере, советская власть пыталась сформировать недоверие к ним со стороны населения, обеспечивая поддержку собственных начинаний [подробнее см. 8, гл.2].

Началом кампании стало вскрытие в процессе учета богослужебного имущества Александро-Свирского монастыря Петрозаводской губернии раки с мощами Александра Свирского 22 октября 1918 г. В раке была обнаружена восковая кукла. VIII-й Ликвидационный отдела НКЮ особо подчеркнул, что «это известие, переданное коммунистической прессой во все, даже отдаленные углы Советской России, естественно вызвало крайнее смущение, как в стане церковников, так равно и среди масс... Сами же трудящиеся

массы начали требовать осмотра содержимого в раках и в других местах» [11, с.73].

С осени 1918 г. кампания приобрела массовый характер. Но из-за отсутствия определяющего ее ход документа кампания по вскрытию мощей порождала у местных властей большое количество вопросов: когда и как производить вскрытие, желательно ли освидетельствование останков специалистами из числа медицинских работников, привлекать ли к акту вскрытия внимание широкой общественности, обеспечивать ли акт вскрытия присутствием воинских частей и т.д. Поскольку делом отделения церкви от государства и руководством отдельными кампаниями в рамках реализации декрета 23 января 1918 г. «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» занимался Народный комиссариат юстиции, запросы местных властей направлялись именно в его адрес. Ярославская губчека одной из первых поставила перед Наркомюстом вопрос о дальнейшей судьбе драгоценных раков и «явленных взорам верующих в своем истинном виде» мощей. На специальном заседании Коллегии НКЮ 11 февраля 1919 г. было принято постановление о мощах, согласно которому признавалась желательность их передача в местные музеи, в отделы церковной старины. Сроки хранения мощей в музейных экспозициях оговаривались весьма расплывчато – «до истечения времени, достаточного для убеждения масс в обмане» [10, с.44]. Ярославская ликвидационная комиссия церковных и монастырских имуществ задавалась вопросом о необходимости участия ее официальных представителей при акте вскрытия. Наркомюст 1 марта 1919 г. сделал пояснение: «Вскрытие мощей, производимое на местах по инициативе самих рабочих, необходимо приветствовать, так как во всех случаях, как того и следовало ожидать, на поверку оказывается, что никаких «мощей» в действительности не существует и при этом ясно для всех вскрывается многовековой обман служителей культов, а также и спекуляция эксплуататорского класса на религиозных чувствах темной и невежественной массы. Уклоняться от вскрытия мощей Комиссии отнюдь не следует» [9,

с.42]. Рекомендовалось привлекать также представителей губернского и городского исполнительных комитетов, губкома РКП (б), рабочих организаций, волостных совдепов и т.д. Участие официальных лиц должно было служить гарантией соблюдения «известного такта» и уважения чувств верующих.

Тверской губисполком ходатайствовал перед Накромюстом об издании циркуляра, который бы регулировал процедурные вопросы, связанные с вскрытием мощей. Коллегией НКЮ было вынесено постановление: «В виду установления на местах вполне организованного порядка вскрытия мощей применительно к местным условиям (по постановлению Съездов Советов, Губисполкомов, но всегда в присутствии представителей от служителей культа и врачебного персонала) особого циркуляра по этому поводу не издавать, предоставив инициативу на местах».

С 10 по 20 февраля 1919 г. во Владимирской губернии были вскрыты мощи мученика Авраамия, князей Андрея Боголюбского, Георгия и Глеба в Успенском соборе г. Владимира, преподобного Даниила в Переславле, Петра и Февронии, князя Константина, «чад его» Михаила и Федора, матери Ирины в Муроме, епископов Иоанна и Федора, Евфимия и Ефросиньи Суздальских. Были обнаружены как сохранившиеся полностью останки предполагаемых лиц с кожными покровами, ногтями и волосами, так и матерчатые куклы, свежая вата и др. Управлявший епархией митрополит Сергей 20 февраля предложил Владимирскому епархиальному совету возвратить вскрытые мощи в раки и выставить их для благоговейного преклонения верующих. Предложение митрополита не встретило поддержки местных властей. В результате проведенной работы, по свидетельству прессы, у большинства населения отпала вера в нетленность.

В феврале 1919 г. «Известия Яргубисполкома» опубликовали предложение провести вскрытия мощей ярославских святых, «произвести анализ угодников и этим открыть глаза верующим ярославцам, которые продолжают поклоняться [мощам], класть свои гроши на гробницы

святителей, возможно, предугадать заранее не существующих» [4]. Мероприятие по времени соотнесли с работой VI губернского съезда Советов и тщательно подготовили. Управление милиции приняло меры к охране гражданского и революционного порядка во избежание конфликтов. За вскрытием в Успенском соборе Спасского монастыря наблюдали 4 представителя управления. Повестку явиться для составления акта вскрытия, не дававшую возможности отказаться, получило Ярославское естественно-историческое общество.

В обследовании мощей князей Федора, Давида и Константина, князей Василия и Константина приняли участие все делегаты съезда, представители губисполкома, горездисполкома, губкома партии, рабочих и профессиональных организаций, прессы; врачи – Соловьев, Крылов, Троицкий, Бажанов; от духовенства – епископ Корнелий, притч Успенского собора и Спасского монастыря. Предполагалось установить возраст, пол, древность мощей, состояние мумифицированных клетчаток и средства мумификации, целостность костей и их соединение. В составленном заключении врачи признались, что «производили небывалое врачебное исследование, подвергая анализу предмет, до сих пор неприкосновенный, предмет религиозного почитания многих миллионов верующих в течение многих поколений». Воспринимая совершаемое как насильственное вторжение в совесть людей, врачи ограничились лишь наружным осмотром останков и несколькими измерениями. Было установлено наличие большого количества сохранившихся останков в естественной связи и формах, без следов разложения. При этом выводы комиссии соответствовали жизнеописаниям и изображениям князей [3, л. 4а, 6, 11]. Местные власти отметили отсутствие такого явного обмана, как в других городах. Незначительные мелкие предметы и кусочки не шли ни в какое сравнение с обнаруженными тряпичными куклами. В апреле и сентябре 1919 г. были вскрыты мощи еще восьми святых Ярославской епархии.

Вызывающая опасение активность местных властей в деле вскрытия почти повсеместно сопровождалась возрастанием числа богомольцев как у уже вскрытых, так и ожидающих вскрытия мощей. Расчет на разоблачительную реакцию, которая вызовет праведный гнев верующих, не оправдался. Более того кампания по вскрытию мощей встретила недоумение, а затем ропот и протесты духовенства и верующих. Широко распространялись слухи об оскорбительном поведении участников акции, в частности при вскрытии мощей Саввы Сторожевского. Патриарх Тихон неоднократно и весьма четко сформулировал собственную позицию по отношению к очередным мероприятиям антицерковной политики. 17 февраля 1919 г. Патриарх направил епархиальным архиереям указ «об устранении поводов к глумлению и соблазну в отношении св. мощей». Патриарх Тихон подчеркнул, что прежде почитание мощей было исключительно благочестивым народным обычаем и не вызывало соблазнов. «Мощи угодников Божиих открыто почивают в храмах в драгоценных раках-гробницах... Благочестивое усердие верующих, окружая их останки благоговейным усердием, соорудило и для таковых честных мощей драгоценные раки и оправы, иногда по подобию человеческого тела, располагая в них, в подобающих облачениях, кости праведников и другие частицы святых их мощей...». [1, с. 158]

Негативное отношение к кампании высказал и член коллегии Московского Отдела народного образования С. Мицкевич в письме к В.И. Ленину от 22 апреля 1919 г.: «Считаю, что ничего более нелепого и вредного для нас, как это пресловутое вскрытие, нельзя и представить. Это никого ни в чем не убеждает, распространяются легенды, что настоящие мощи прячут, а вскрывают поддельные». Параллельно возрастает и озлобление, поскольку «...это ведь, кроме того, является нарушением принципа отделения церкви от государства», возможны и волнения. Вот почему С. Мицкевич настаивал: «...необходимо срочно дать распоряжение о прекращении повсеместно этих актов и вообще против поступков грубо

нарушающих религиозные чувства населения: курение в церкви, нахождение в шапках в алтаре, это проделывают нередко примазавшиеся коммунисты, нередко пьяные» [13, с. 41]. В. И. Ленин обвинил С. Мицкевича в панических настроениях и распорядился продолжать начатое.

Впрочем, власти поводов для выражения протеста не видели. Председатель Тверского Епархиального Совета Знаменский направил в VIII Отдел Наркомюста заявление об имевшем место ряде нарушений, допущенных местными властями в ходе вскрытия 25 февраля 1919 г. мощей Нила Столбенского. Он также подчеркивал, что вскрытие мощей является актом, оскорбляющим чувства верующих и вступающим в противоречие с решениями высших органов власти, Однако, НКЮ противоправных действий тверских властей не выявил, отметив, что вскрытие мощей было произведено «по почину самих же трудящихся масс и везде обнаруживает многовековой обман со стороны церковников и эксплуатацию последними невежества темной толпы». Наркомюст настаивал на том, что «местная Советская власть при совершении самого акта всегда соблюдает известный такт и корректное отношение к религиозным убеждениям граждан, каковы бы эти убеждения ни были, кроме того самый акт вскрытия всегда производят сами служители культов» [10, с. 44].

И все же, хотя вскрытия мощей производились повсеместно, вплоть до весны 1919 г. продолжали оставаться нетронутыми мощи таких повсеместно почитаемых святых как Сергей Радонежский, Александр Невский и Серафим Саровский. Решение о вскрытии мощей Сергея Радонежского было инициировано членами РКП (б) и принято на общем собрании Совета рабочих и крестьянских депутатов города Сергиева-Посада 1 апреля 1919 г. Информация о возможной акции просочилась в городское общество еще раньше и вызвала серьезное недоумение. Монахи Троице-Сергиева монастыря составили прошение на имя председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина с просьбой запретить кощунственный акт. Среди местного населения, не желавшего допустить посягательства на святыню,

был проведен сбор подписей, который поддержало около 5000 человек. Патриарх Московский и всея Руси Тихон также обратился к В.И. Ленину: «По долгу пастырского служения заявляю Вам, что всякое оскорбление религиозного чувства народа вызывает в нем естественную скорбь и справедливое негодование и может волновать его даже в несравненно большей степени, чем все другие невзгоды жизни, а нас обязывает стать на защиту поругаемой святыни» [12, с. 50]. Все просьбы остались без ответа, а позднее на страницах журнала «Революция и церковь» расценивались не иначе как попытки лаврских монахов сохранить свое безбедное существование.

11 апреля 1919 г., согласно сообщению монастырской братии, направленному Патриарху Тихону, с 3 часов дня территория Троице-Сергиевой лавры была окружена вооруженными солдатами Красной Армии, которые взяли под свой контроль колокольню, дабы не допустить набатного звона как призыва к защите Лавры, монастырские стены и выходы. К 6 часам вечера Троицкий собор заполнили делегаты и технические службы. В присутствии Сергиевского Исполкома, представителя НКЮ М.В. Галкин, представителя Губисполкома, Наркомата здравоохранения, коммунистов Сергиевского района, членов технической комиссии по вскрытию мощей, представителей волостей, Красной армии, профсоюзов, верующих; врачей доктора медицины Ю.А. Гвоздикского и доктора П.П. Попов, заместника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Кронида, настоятелей Вифанского, Гефсиманского и Черниговского монастырей, благочинного и казначея лавры, монахов лавры с 20 часов 50 минут до 22 часов 50 минут проводилось вскрытие мощей Сергия Радонежского. Собравшиеся были ознакомлены с соответствующим решением исполнительного комитета Сергиева-посада. Архимандрит Кронид высказал предупреждение о том, что «никто из нас не знает, что лежит в святой гробнице. Это религиозная тайна, проникнуть в которую никто не смеет, мощи никогда не свидетельствовались с самого времени их открытия» [13]. В силу внутреннего трепета и нравственных

посылов сам наместник вскрывать раку не стал. По его поручению благочинный лавры иеромонах Иона вместе с игуменом Ананием снял покровы, поднял фигуру и последовательно освободил ее от одежды. В протоколе вскрытия фиксируется: «С головы снимают шапочку, с шеи – бинт фиолетовый, затем голубой. Разрывает иеромонах Иона швы у ног, распарывает ножницами парчовый голубой мешок. Вынул сбоку вату, распарывает швы, фигура становится плоской, толщиной в четыре пальца, снимает распоротый голубой мешок, под которым обнаруживается полуистлевшая ткань серо-коричневого цвета. Снизу лубок. По снятии шапочки с головы виден человеческий череп, лежащий частью на лубке, частью на весу. Возле черепа справа виден первый шейный позвонок. Длина фигуры соответствует человеку среднего роста» [12, с. 56]. Вся процедура была заснята на кино- и фото пленку. По окончании был составлен протокол вскрытия, подписанный всеми присутствующими.

На следующий день наместник Лавры получил постановление исполкома Сергиевского совета: принять мер к сохранению останков преподобного Сергия в должной сохранности и без не изменения их расположения, над ними покрывку из зеркального стекла.

10 мая 1919 г., спустя месяц после акта вскрытия мощей Сергия Радонежского, Патриарх Тихон обратился в Совнарком с письмом. В нем предполагаемое закрытие храмов Троице-Сергиевой лавры и возможный вывоз оттуда мощей были названы затрагивающими «самым существенным образом нашу религиозную совесть» и расценены как «вторжением гражданской власти во внутреннюю жизнь и верование Церкви, что стоит в противоречии с декретом об отделении Церкви от государства, с неоднократными заявлениями высшей центральной власти о свободе вероисповеданий» [1, с. 165].

Нередко вскрытие мощей сопровождалось и ликвидацией монастыря. Лавра получила отсрочку в несколько месяцев, но осенью 1919 г. на пленарном заседании исполкома Сергиева Посада было принято решение «о

полной ликвидации Троице-Сергиевой лавры как монастыря». Патриарх в очередной раз предпринял попытку встретиться с председателем СНК В.И. Лениным и дать разъяснения о недопустимости закрытия Лавры в силу ее не только религиозного, но и исторического значения. В.И. Ленин Патриарха не принял ввиду занятости другими более важными делами. Патриарх Тихон считал своим долгом обратиться к пастве с посланием, которое должно было предотвратить возможные в связи с закрытием Троице-Сергиевой лавры эксцессы. Патриарх писал: «Уже много раз за последнее время терзалось религиозное чувство русских людей, и удар за ударом направлялся на их святыни. Не избежала сей печальной участи наша великая Святыня – Троице-Сергиева лавра. Было начато с вскрытия мощей Преподобного Сергия. Этим думали достигнуть того, что народ перестанет стекаться в лавру и потеряет доверие к своим духовным руководителям. Расчеты, однако, оказались ошибочными. Конечно, при вскрытии не было обнаружено никаких подделок, а были найдены останки Преподобного, которые всеми верующими благоговейно почитаются, как Его св. мощи. Но, как и следовало ожидать, оскорбление мощей Преп. Сергия вызвало великий религиозный порыв, выразившийся в усиленном паломничестве к Его цельбоносной раке...» Патриарх призвал верующих избегать участия в политических партиях и выступлениях, подчиняться распоряжениям советской власти и не подавать никаких поводов, оправдывающих ее подозрительность власти, до тех пор, пока они не противоречат вере и благочестию [1, с. 163-164].

Во исполнение решения о закрытии Троице-Сергиевой лавры в ночь на 2 ноября (21 октября) 1919 г. иноки были выселены из их келий в гостиницу Черниговского скита. В ходе этой акции было «отобрано сумм лаврских в количестве 39000 руб.», а также у некоторых монахов реквизировано «лично им принадлежащее имущество» [5, с. 340].

Официальное постановление СНК 30 июля 1919 г. «О вскрытии мощей во Всероссийском масштабе» последовало только, когда кампания набрала

обороты и приобрела, пожалуй, необратимый характер. Восьмой (ликвидационный) отдел НКЮ в вопросе о мощах придерживался принципа полной ликвидации этого «старинного, испытанного в течение веков способа гипнотизации и эксплуатации масс» [11, с.73]. В зависимости от конкретных условий (состав населения, закоренелость предрассудков в силу невежества, сила и авторитетность местных организаций и т. д.) местные власти были обязаны предварить вскрытия правильно поставленной культурно-просветительной работой, широкой агитацией и пропагандой. В целях полной ликвидации мощей надо было действовать решительно и последовательно, опираясь на революционное сознание трудящихся масс и избегая нерешительности и половинчатости. Ликвидационным комиссиям предлагалось соблюдать такт по отношению к сторонникам православия, выбрать благоприятное время, когда нет большого числа молящихся, обязательно приглашать представителей всех отделов губисполкома и врачей для составления заключения. Вскрытие рак, извлечение мощей, их разоблачение от одежд поручали духовенству, представители которого обязательно должны были поставить подписи в заключительном акте. Для пущей убедительности и возможности показать обман как можно большему числу людей рекомендовалось процесс вскрытия запечатлеть на фото- или кинокамеру.

При Костромском губисполкоме была создана ликвидационная комиссия, которая 2 июля 1921 г. вскрыла частицы мощей в храме Скоропослушницы Свято-Троицкого монастыря. Вскрытие было проведено в присутствии верующих с. Телякова Яхнобольской волости. В крестиках, где должны были находиться частицы святых мощей, оказались кусочки дерева и материи. Газета «Красный мир» написала, что верующие были потрясены увиденным и обратились в ГИК с просьбой о закрытии храма и превращении монастыря в сельскохозяйственную агрономическую школу для просвещения «косного и затуманенного культом края» [6].

Как и другие мероприятия антирелигиозной политики, не миновала перегибов и кампания по вскрытию мощей. 25 апреля 1920 г. в Ростове Ярославском представителями местной советской власти было произведено насильственное вскрытие мощей Исайи, Игнатия, Дмитрия Ростовского, игумена Авраамия и Евфросиньи Полоцкой. Вскрытие сопровождалось «глумлениями и оскорблениями религиозного чувства верующих, курением табака на паперти Соборного храма, прикосновением к частям святых мощей руками неверующих»[2, л. 1]. Епископ Ростовский Иосиф в рапорте митрополиту Агафангелу отметил правонарушения, совершенные властями. К ним епископ отнес искусственное принятие решения о вскрытии через Уездный съезд советов, отказ выслушать мнение верующих. Иосиф расценил эти действия как вмешательство во внутрицерковные дела и нарушение декрета. О вскрытии не предупредили, представители от духовенства и верующих назначены не были.

Кампания велась властями планомерно, со ссылкой во многих случаях на пожелания трудящихся вскрыть вековой обман. Сопротивлений вскрытию, масштабных акций протеста не отмечалось. Вскрытие мощей Серафима Саровского было произведено в декабре 1920 г., Александра Невского в мае 1922 г. В неприкосновенности, вплоть до 1929 г., оставались мощи Иакова Железоборовского.

Осуществив к концу 1920 г. 63 вскрытия нетленных мощей почитаемых РПЦ святых, власть грубо нарушила один из главных принципов декрета об отделении церкви от государства, вторгнувшись в область канона и отказывая в праве на существование признанному и освященному церковью культу почитания мощей.

1. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского богословского института, 1994. 1064 с.

2. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО), ф. 130, оп. 12, д. 183, л. 1.
3. ГАЯО, ф.р-1363, оп. 1, д. 21, лл. 4а, 6, 11.
4. Известия Яргубисполкома. 1919. 22 февр.
5. Кашеваров А.Н. К вопросу о судьбе православных монастырей в первые годы Советской власти. // Нестор. 2000. №1. С. 331-342.
6. Красный мир. 1921. 17 июня.
7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 2. – М., 1983.
8. Майорова Н.С. Государственно-церковные отношения в 1917–1929 гг. (на материалах Верхнего Поволжья). Кострома, 2006.
9. Революция и церковь. 1919. № 1.
10. Революция и церковь. 1919. № 2.
11. Революция и церковь. 1920. № 9–12.
12. Революция и церковь. 1919. № 6–8.
13. Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941. М.: ББИ, 1996. 356 с.